

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243

EDN: QFDТАН

Научная статья

Эволюция политической медиариторики в России: комплексный лингвистический анализ

Н.А. Ахренова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ akhrenova-na@rudn.ru

Аннотация. Необходимость осмысления трансформации публичного политического языка России на фоне радикальных социополитических сдвигов XX–XXI вв. и цифровизации медиасреды обосновывает актуальность исследования, цель которого — выявить и лингвистически описать системные сдвиги в политической медиариторике СССР и России, а также определить специфику их воздействия на строй русского языка. Методологическую основу составляет интеграция критического дискурс-анализа и лингвистических методов. Эмпирический материал включает выборку текстов политической медиакommunikации с 1920-х по 2020-е гг. (пресса, речи лидеров, ТВ и цифровой контент). Применялись лексико-семантический, синтаксический, метафорический, интертекстуальный и диахронический корпусный анализ (НКРЯ). Диахронический анализ позволил выделить три фазы эволюции, оказавшие системное воздействие на русский язык. Эпоха монолога характеризовалась ритуализированным, клишированным идиолектом со сложным синтаксисом, номинализацией и семантической инверсией базовых концептов. Эпоха коммуникативного хаоса отмечена радикальной трансформацией русского языкового строя: семантической нестабильностью терминов, легитимацией криминального жаргона, синтаксической редукцией и фрагментацией коллективного субъекта («мы»). Современная эпоха управляемого полилога утвердила стратегию «избирательной сложности» — технологичное варьирование лингвистических кодов от книжного синтаксиса до цифрового аграмматизма, а также гибридизацию официального дискурса с интернет-сленгом. Доказано, что эволюция политической медиариторики в России предстает собой процесс перманентного структурирования грамматических, синтаксических и лексических основ публичной речи на русском языке. Специфика национального пути заключается в технологической модернизации архаичных ритуальных моделей коммуникации, где русский язык выступает одновременно объектом и инструментом трансформации.

Ключевые слова: эволюция дискурса, управляемый полилог, критический дискурс-анализ, медиалогия, концептуальная метафора

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.10.2025; принята к печати 18.12.2025.

© Ахренова Н.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ахренова Н.А. Эволюция политической медиариторики в России: комплексный лингвистический анализ // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 226–243. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243> EDN: QFDТАН

Введение

В эпоху цифровой трансформации политическая риторика эволюционирует из средства передачи идеологии в инструмент конструирования реальности и управления смыслами (Wodak, 2011). Российский контекст, переживший в XX–XXI вв. ряд фундаментальных социополитических сдвигов (становление, трансформация и распад СССР, формирование новой государственности), представляет собой уникальную среду для диахронического исследования взаимосвязи между медиатехнологиями, языком и властью. Эволюция политической медиариторики здесь носит нелинейный, сложный характер, требующий междисциплинарного синтеза лингвистики, дискурс-анализа и медиалогии.

Актуальность исследования обоснована тремя ключевыми факторами: 1) необходимостью осмысления трансформации публичной политической речи в условиях смены медиаформатов и цифровизации; 2) отсутствием целостных научных работ, прослеживающих эволюцию политической медиариторики в России как единого процесса, с акцентом на взаимосвязи смены медиаканалов (McLuhan, 1964) и лингвориторических изменений; 3) дефицитом системных компаративных исследований, выявляющих специфику российского пути на фоне западных траекторий развития политической коммуникации.

История изучения политической медиариторики в России сформирована шестью взаимосвязанными научными направлениями: 1) семиотикой дискурса: Ю.М. Лотман (Лотман, 1996), Б.А. Успенский (Успенский, 1994); 2) методологией критического дискурс-анализа и политической лингвистики: Н. Фэйрклаф (Fairclough, 1989), Р. Водак (Wodak, 2009, 2011), А.П. Чудинов (Чудинов, 2006); 3) медиалингвистикой и философией коммуникации: Ф. Заппеттини (Заппеттини, Понтон, Ларина, 2021), В.И. Коньков (Коньков, 2018), М. Маклюэн (McLuhan, 1964); 4) исследованиями современной российской медиасистемы: М. Ascott (Ascott, 2020), Л.В. Балашова (Балашова, 2022), М. Горэм (Gorham, 2003), М. Ларуэль (Laruelle, 2019); 5) анализом изменений русского языка в советский и постсоветский периоды: М. Горэм (Gorham, 2015); 6) изучением зарубежной политической медиариторики: Н.А. Ахренова, С.Г. Тер-Минасова (Ахренова, Тер-Минасова, 2025), Н.Л. Колесникова (Колесникова, 2020), П.Г. Логинова (Логинова, 2025). Российский контекст, переживший в XX–XXI вв. ряд фундаментальных сдвигов, представляет собой уникальную среду для диахронического исследования взаимосвязи между медиатехнологиями, языком и властью.

Однако не изученным остается синтез, соединяющий микроуровневый лингвистический анализ с медиалогией в рамках целостной диахронической и компаративной перспективы. Проблема заключается в фрагментарности существующих подходов и необходимости создания интегративной аналитиче-

ской модели, объясняющей диалектику ритуального и технологического в эволюции российской политической медиариторики на протяжении XX — начала XXI вв.

Для нивелирования этой лакуны в представленном исследовании ставится ряд задач:

1) разработать интегративную аналитическую модель эволюции политической медиариторики на основе интеграции критического дискурс-анализа и медиалогии;

2) выделить этапы эволюции политической медиариторики XX–XXI вв. и дать им комплексную характеристику.

Таким образом, **цель исследования** — выявить и лингвистически описать системные сдвиги в политической медиариторике СССР и России XX–XXI вв., отражающие диалектику медиатехнологических и социополитических трансформаций, и определить специфику российского пути ее эволюции.

Методы и материалы

Исследование построено на интегративной методологии, сочетающей принципы критического дискурс-анализа (КДА) и медиалогии для проведения диахронического лингвистического анализа. Основным методологическим инструментом служит трехмерная модель КДА Н. Фэйрклауфа (Fairclough, 1989), рассматривающая дискурс как единство текста, дискурсивной практики (процессы производства, распределения и потребления) и социальной практики. Данная модель обогащена медиалогическим подходом М. Маклюэна (McLuhan, 1964), в частности, его тезисом «the medium is the message» (Средство коммуникации является сообщением), что позволяет анализировать трансформацию риторических стратегий как следствие смены доминирующих медиаканалов (от централизованных «горячих» медиа к сегментированным цифровым платформам).

На текстуальном уровне применялись методы, направленные на выявление и описание:

1) лексико-семантических особенностей политической медиариторики: эволюция идеологем, ключевых концептов, характер заимствований и жаргонизации;

2) изменений в степени синтаксической сложности (номинализация, типология предложений), использование стилистических регистров (официально-деловой, публицистический, разговорный);

3) метафорического моделирования для идентификации доминирующих концептуальных метафор (Lakoff, Johnson, 1980) и их трансформации в разные эпохи;

4) анализа источников и типов прецедентных текстов, механизмов цитирования и формирования дискурсивных канонов.

На уровне дискурсивной практики исследовались условия производства и распространения политического дискурса: специфика медиаканалов каждого периода, роль институтов (партия, государственные СМИ, независимые

медиахолдинги, цифровые платформы) и технологии продюсирования контента. На уровне социальной практики лингвистические данные интерпретировались в широком историко-политическом и социокультурном контексте.

Для обработки материала использовались качественные методы дискурсивного анализа и элементы квантитативной лингвистики. Проведен диахронический корпусный анализ с использованием подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, включая газетный корпус и корпус современных СМИ, для отслеживания динамики частотности ключевых лексем и их коллокаций. Компаративный аспект реализован через сопоставление выявленных российских трендов с основными векторами эволюции политической коммуникации в США и Западной Европе на основе вторичного анализа академической литературы.

Материалом исследования послужила репрезентативная выборка текстов политической медиакommunikации с 1920-х по 2020-е гг. В нее вошли: передовицы центральных советских газет («Правда»², «Известия»³), доступные онлайн; транскрипты и аудиозаписи ключевых выступлений государственных лидеров; материалы телевизионных программ, ток-шоу и дебатов (1990-е – 2020-е гг.); контент официальных аккаунтов и пропагандистских пабликов в социальных сетях (VK, Telegram) и мессенджерах; публикации государственных информационных агентств (ТАСС⁴, РИА Новости⁵).

Результаты

Проведенный анализ позволил достичь поставленной цели и получить следующие результаты:

1. Установлены фазы эволюции и их доминантных метафорических моделей. Определены и описаны три-четыре ключевых фазы в развитии политической медиариторики, каждая из которых характеризуется доминированием специфической метафорической системы, связанной с медиатехнологиями и общественным устройством.

2. Выявлена диалектика медиатехнологий и риторики, демонстрирующая, что сдвиги в риторике носят не линейный, а такой характер, при котором каждая новая фаза является реакцией-отрицанием предыдущей, опосредованной новыми медиатехнологиями.

3. Определена специфика «русского пути» эволюции и сформулированы отличительные черты российской модели, выделяющие ее на фоне западных транзитологических нарративов: перманентность мобилизационной рамки, когда меняется не сама идея централизованной мобилизационной

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.12.2025)

² Главная газета советского государства, все номера с 1918 по 1991 годы. URL: <https://marxism-leninism.info/paper/pravda-1> (дата обращения: 23.12.2025).

³ Известия 100 Специальный проект к юбилею «Известий». URL: <https://100.iz.ru/rubric/122> (дата обращения: 23.12.2025)

⁴ ТАСС. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 23.12.2025)

⁵ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 23.12.2025).

функции медиариторики, а ее целеполагание: от строительства светлого будущего — через выживание в рыночно-криминальном хаосе — к защите от внешнего врага; цикличность и реставрация архетипов, где эволюция представляет собой не прямолинейный переход от тоталитарной к демократической риторике, а сложный цикл с возвратом к архетипическим моделям («крепость», «организм») на новом витке, подкрепленном цифровыми технологиями; гибридность медиамодели, для которой характерно сосуществование и взаимопроникновение риторик и практик разных эпох: мессианские ноты («духовные скрепы») соседствуют с рыночным языком эффективности, а советская метафора «битвы за умы» переосмысливается в терминах «гибридной войны» и «киберсуверенитета».

4. Создана типология метафорических переносов, в которой разработана и применена аналитическая классификация ключевых метафорических источников для описания государства и медиа.

Выявлено системное воздействие сменяющих друг друга политико-риторических режимов на грамматический строй и нормы русского языка. Каждая эпоха не только формировала специфический словарь и метафорику, но и активно влияла на синтаксические паттерны, морфологические особенности и процессы словообразования. Эпоха монолога утвердила гипертрофированно сложную синтаксическую модель с доминированием отглагольных существительных, пассивных и безличных конструкций, что способствовало номинализации и деагентивизации публичного высказывания. Эпоха коммуникативного хаоса спровоцировала резкую синтаксическую редукцию, фрагментацию высказывания и легитимацию эллиптических конструкций, а также привела к инкорпорации в публичную речь морфологических и словообразовательных моделей из маргинальных субкультур. Эпоха управляемого монолога институционализировала принцип «избирательной сложности», при котором грамматический строй стал технологически варьируемым параметром: от сложноподчиненных периодов для доктринальных текстов до телеграфного синтаксиса и неполных предложений в цифровой среде. Таким образом, эволюция медиариторики предстает не только как смена содержания, но и как перманентное переформатирование грамматических и синтаксических основ публичной речи на русском языке.

Обсуждение

Эпоха монолога

Медиариторика в эпоху однопартийной системы функционировала как законченная ритуальная система, в которой средства массовой информации служили техническим усилителем единого и сакрализованного голоса власти. Основными каналами коммуникации выступали централизованные государственные медиа, обладавшие в терминологии М. Маклюэна (McLuhan, 1964) свойствами «горячих» средств коммуникации: массовая печать, всесоюзное радио, а впоследствии — централизованное телевидение. Эти каналы обеспе-

чивали синхронное восприятие сообщения на всей территории страны при институциональном отсутствии механизмов содержательной обратной связи со стороны аудитории.

Лингвистический анализ текстов данного периода позволяет выявить ряд взаимосвязанных особенностей, конституировавших риторику в инструмент тотального идеологического контроля.

Доминирующей стилевой чертой являлась тотальная ритуализация и клишированность языка, например, безальтернативное использование устойчивых формул, не несущих фактической информации, но обязательных для любого публичного высказывания: *Под руководством Коммунистической партии..., Верные заветам великого Ленина..., Единодушная поддержка трудящихся..., Нерушимое единство партии и народа...* Приведенные и подобные им фразы функционируют как дискурсивные маркеры, чья основная функция — не описание реальности, а сигнал принадлежности к «своим» и воспроизводство ритуала. Их синтаксис неизменен, лексика стандартизирована, что исключает индивидуальность высказывания.

Прагматической целью высказывания была не передача новой информации, а перформативное подтверждение лояльности и воспроизводство самой дискурсивной системы, например: «..... *Рабочие говорили о том, как одновременно с обновлением производства осуществляется и широкая социальная программа. Так, оператор В.Д. Тришкина сказала: Мы заботу о себе чувствуем постоянно. Это я могу подтвердить и как работница, и как женщина-мать. У нас есть все: и любимая работа, и возможности для отдыха*»⁶. Несмотря на имитацию эмоциональной разговорности речи через инверсивный порядок слов (*Мы заботу о себе чувствуем постоянно*), в тексте присутствует нехарактерные для разговорного стиля общепринятые штампы — *женщина-мать, работница*. Прагматическая цель — драматическая инсценировка: говорящий выполняет роль «народа», подтверждающего лояльность. *Истинность высказывания не имеет значения; значимым оказывается употребление образа «труженика-патриота» в официальной речи уполномоченного лица высокого ранга с соответствующей интонационной маркировкой.*

Это приводило к семантическому истощению базовых политических концептов:

1) *демократия: социалистическая демократия* или *подлинная демократия* в противопоставление *буржуазной* или *формальной демократии* — слово «демократия» лишается своего общеупотребительного значения (народовластие, политический плюрализм, выборность) и наполняется новым, строго заданным смыслом — руководящая роль партии как высшее выражение воли народа, таким образом концепт референтно сужается и становится инструментом для дискредитации альтернативных моделей;

⁶ Черненко К.У. Речь на встрече с рабочими московского металлургического завода «Серп и Молот». URL: <https://www.gensek.ru/publications/books/vstrecha-s-rabochimi-zavoda-serp-i-molot.html?ysclid=ml4340kxq1637606911> (дата обращения: 13.01.2026).

2) *свобода* концептуализируется в устойчивых сочетаниях *свобода от эксплуатации, осознанная необходимость*, противопоставляемых *буржуазной свободе*, часто в сочетании с эпитетами *мнимая, анархическая*. Концепт свободы релятивизируется и идеологически перекодируется. Он определяется не через индивидуальные права и возможности, а через коллективное освобождение от классовых врагов и подчинение объективным законам истории, диктуемым партией;

3) концепт *мир* использовался в агрессивных внешнеполитических контекстах: борьба за мир во всем мире требует решительного подавления империалистической агрессии. Концепт «мир» подвергается семантическому инвертированию. Он перестает означать отсутствие войны и начинает означать состояние, достижимое только через активную, в том числе силовую, «борьбу» с врагами.

Структурной основой этой системы выступал абсолютный монологизм с исключением любой возможности публичной дискуссии. Формат теледебатов, популярный в западном контексте политической медиакоммуникации, отсутствовал как таковой. Риторика конструировалась как непререкаемое обращение власти к обществу, которое должно было непререкаемо слушать и следовать предлагаемому курсу. Форматы, имитировавшие обратную связь, такие как партийный съезд, были заранее предписаны, что часто выражалось невербально — через синхронизированные аплодисменты съездов или единодушное одобрение в прессе. Даже элементы псевдиалога, такие как риторические вопросы или прямые обращения, служили исключительно усилению монологического воздействия, что продемонстрировано в примере ниже:

«Конечно, есть проблемы, которые надо решать на уровне министерств, ведомств, отраслевых профсоюзов. Резонным представляется, например, поставленный здесь вопрос: «Почему сменный мастер, организующий работу комплексной бригады, не включается в ее состав? И зарплата ему начисляется не так, как члену бригады?»⁷.

Важнейшим механизмом упрощения и мифологизации социально-политических реалий выступала система концептуальных метафор. Сложные абстракции замещались набором архетипических моделей: ГОСУДАРСТВО / ОБЩЕСТВО — ЭТО МЕХАНИЗМ ИЛИ ОРГАНИЗМ (*винтики системы, здоровые силы общества, оздоровление общества*), ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ЭТО ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ (*магистральный путь развития, сбиться с пути, путь исправления*), ПОЛИТИКА — ЭТО ВОЙНА (*идеологический фронт, разящая критика*). Эти метафоры формировали наглядную и эмоционально заряженную картину мира, устойчивую к рациональной критике.

Данная картина мира подкреплялась строго организованной интертекстуальностью ритуально-канонического типа. Выстраивалась вертикаль ци-

⁷ 29 апреля 1984 года Речь генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К.У. Черненко. URL: <https://www.gensek.ru/publications/books/vstrecha-s-rabochimi-zavoda-serp-i-molot.html?ysclid=ml4340kxq1637606911> (дата обращения: 10.01.2026).

тирования от сакральных текстов-первоисточников произведений классиков марксизма-ленинизма через священные тексты институционального уровня, такие как Программа КПСС, решения съездов, к высказываниям текущего генсека. Интертекстуальные ссылки были исключительно внутрисистемными, создавая герметичный семиотический универсум, полностью изолированный от внешних, «чужих» дискурсов. Эти положения можно проиллюстрировать цитатами из речей руководителей государства: *«Как был прав Ленин, называя нашу партию партией революционных преобразователей, партией новаторов! ... „Все дело в том, — писал Владимир Ильич Ленин, — чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт...“ (Соч., т. 28, стр. 172)...»*⁸.

На грамматическом уровне эта система реализовывалась через специфические синтаксические стратегии. Для текстов была характерна гипертрофированная книжность и синтаксическая усложненность: преобладание сложноподчиненных предложений, обилие пассивных и безличных конструкций (*подчеркивается, принимается решение*), а также высокая степень номинализации — замена глаголов отглагольными существительными: *осуществление руководства, борьба за выполнение*. Эти приемы создавали эффект обезличенной, надперсональной объективности исходящего от власти слова.

На морфологическом и лексическом уровнях происходило последовательное растворение индивидуального в коллективном. В словообразовании наблюдалась активная продуктивность суффиксов, создающих абстрактные понятия и собирательные наименования (-ство, -ние, -изм, -ция), что укрепляло приоритет обобщенных категорий над конкретными действиями и лицами.

Доминировало инклюзивное местоимение «мы» (*наш народ, наши достижения*), резко противопоставленное образу врага (*они, их происки*). В лексике утверждался набор сакрализованных формул с использованием эмоционально окрашенных имен прилагательных: *великий, нерушимая дружба, светлое будущее*. Ключевая лексика четко распределялась по тематическим полям: войны и мобилизации (*фронт труда, битва за урожай*), строительства (*стройка коммунизма*), семьи (*братские республики, отеческая забота партии*).

Эпоха «коммуникативного хаоса»

Период 1990-х гг. ознаменовался кардинальной перестройкой всей системы публичной политической коммуникации в России, что нашло непосредственное отражение в структурных изменениях русского языка на лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Распад идеологически монолитного советского дискурса привел к формированию конкурирующих дискурсивных систем, каждая из которых вырабатывала собственный лингвистический код, что в совокупности создало феномен острого языкового плюрализма.

⁸ Брежнев Л.И. Ленинизм — великое знамя борьбы за торжество коммунизма. URL: document.wikireading.ru>hmta4dIcAs (дата обращения: 10.01.2026).

Лингвистическая картина русского языка 1990-х гг. представляет собой уникальный пример глубокой и стремительной трансформации языкового строя под влиянием социополитического кризиса. Фрагментация дискурса на уровне содержания нашла прямое соответствие в дезинтеграции единых лексико-грамматических норм публичной речи. Данный период может быть интерпретирован как этап «дискурсивного и лингвистического междуцарствия», где взрыв семиотической свободы и языкового эксперимента, однако, сопровождался утратой консолидирующих символических оснований, создав предпосылки для последующих процессов реидеологизации и речентрализации политического языка. Эти макропроцессы получали конкретное выражение на микроуровне языковой системы, в изменениях лексики, грамматики, речевых жанров, а также в трансформации метафорических моделей и интертекстуальных практик.

Ключевым процессом стала стремительная девальвация и маргинализация советского понятийного аппарата на фоне массового импорта новых концептов, таких как «демократия», «рынок», «свобода», «приватизация». Однако, будучи оторваны от исходного социально-исторического контекста, эти концепты зачастую функционировали как «плавающие означающие» (Laclau, Mouffe, 2001), лишённые четкой семантической и ценностной фиксации. Параллельно в легитимное публичное поле входили языки, ранее находившиеся на периферии или в маргинальном положении, например, криминальный жаргон (*крыша, авторитет, зачистка, бей, выживать, беспредел, наезд, разборка, братва, по понятиям, закон тайги и т.д.*), националистическая риторика (*мировой сионизм, мировая закулиса, атлантисты, новый мировой порядок, план Даллеса, масонский заговор, Русское возрождение, русская идея, национальная диктатура, третий Рим, русский порядок, русский бунт и т.д.*). Это создавало ситуацию острой конкуренции за право определять содержание базовых социальных и политических категорий.

Распад единой метафорической системы советской эпохи привел к доминированию новых концептуальных моделей, отражающих кризисное состояние общества.

Концептуальная метафора «ГОСУДАРСТВО — ЭТО РЫНОК», доминировавшая в российском публичном дискурсе 1990-х — начала 2000-х гг., осуществила семиотическую подмену предшествующих моделей, легитимируя радикальные социально-экономические трансформации. Ее лексическое поле реализовывалось на нескольких уровнях: от официально-экономического дискурса с терминами *ваучер, акционирование, тендер*, до делового и криминально-делового жаргона, такого как *откат, крыша, рейдерство, наезд, дербан и обнал*, отражавшего неправовые аспекты новых отношений. В публицистическом и бытовом дискурсе закрепились идиоматические выражения и неологизмы — *прихватизация, новые русские, малиновый пиджак, продать завод*. Этот метафорический комплекс выполнял перформативную функцию, конституируя реальность, в которой рыночные отношения стали восприниматься как универсальный принцип.

Параллельно и взаимосвязанно с этим утверждалась концептуальная метафорическая модель «ПОЛИТИКА / БИЗНЕС — ЭТО КРИМИНАЛ / ВОЙНА ВСЕХ ПРОТИВ ВСЕХ». Унаследовав формальную структуру от советской риторики, модель кардинально сменила ее содержание на криминально-силовое, являясь прямым языковым отражением процессов криминализации экономики. Легитимация насилия как инструмента находила выражение в лексике — *передел собственности, корпоративная война, рейдерский захват, давить, отжимать*. Криминальный жаргон легализовался в публичном поле через понятия *крышевание, заказать, разборка, братва*. Метафоры насилия проникли и в сферу коммуникации (*стрельба — о критике*), а устойчивые номинации «*бандитский Петербург*», «*лихие 90-е*» стали культурными кодами эпохи. Данная модель активно конструировала социальную реальность, формируя представление о политико-экономическом пространстве как о внеправовом силовом конфликте.

В условиях хаоса, порожденного этой «войной всех против всех» и воспринимаемого как кризис государственности, в политический дискурс закономерно внедрилась третья мощная метафора — «СТРАНА — ЭТО КОРАБЛЬ / ДОМ В БУРЮ / ПРИ ПОЖАРЕ». Эта архетипическая модель, использовавшаяся различными политическими силами, служила для тотального описания системного кризиса через образы катастрофы и немедленной угрозы гибели. Наиболее ярко она была реализована в риторике генерала Александра Лебеда, который в своем предвыборном дискурсе 1996 г. активно эксплуатировал образы «спасения тонущего корабля» и «тушения пожара в доме», позиционируя себя как единственного спасителя-профессионала, способного на решительные действия в чрезвычайной обстановке. Ключевыми смыслами данной метафоры были: идея экстренного положения, требующего приостановки обычных процедур и дискуссий; необходимость единоличного командования («руля», «сильной руки») вместо коллегиальности и демократии; мобилизующий призыв к консолидации перед лицом внешней опасности (бушующей стихии) и дихотомия «порядок — хаос». Эта модель, прямо противопоставляя себя метафоре базарного хаоса, выполняла важнейшую идеологическую работу: она переводила социально-экономические и политические проблемы в плоскость вопроса о физическом выживании, предлагая в качестве решения не правовые или экономические реформы, а авторитарную мобилизацию и концентрацию власти. Так метафора корабля в бурю стала языковым мостом, легитимировавшим запрос на «твердую руку» как антитезу криминальному беспределу и рыночной анархии предшествующего периода.

Таким образом, эти три взаимопересекающиеся метафорические системы: «государство — рынок», «политика — война / криминал» и «страна — корабль в бурю» — сформировали целостный лингвистический ландшафт, который не только фиксировал, но и идеологически обосновывал ключевые социальные практики и запросы периода радикального перехода: тотальную коммодификацию и приватизацию, криминализацию и силовое соперничество,

а в качестве реакции на их негативные последствия — растущее стремление к авторитарной стабилизации и порядку.

Интертекстуальное поле 1990-х гг. характеризуется динамикой сосуществования и конфликта гетерогенных прецедентных текстов, происходящей на фоне деконструкции советского канона и интенсивного освоения новых смысловых ресурсов. При этом наряду с относительно редкими, часто ироническими референциями к марксистско-ленинскому дискурсу в общественно-политическую коммуникацию активно инкорпорируются, в зависимости от идеологической направленности, различные системы отсылок: консервативно-патриотический дискурс апеллирует к наследию русской религиозной философии и классической литературы XIX–XX вв. (Н. Бердяев, И. Ильин, Ф. Достоевский); либеральный дискурс — к западной политико-экономической мысли (Ф. Фукуяма, М. Тэтчер, М. Фридман). Параллельно происходит активное, зачастую ироническое или ностальгическое, переосмысление пластов советской кинематографии и литературы, примером чему служит активная цитация популярных кинокомедий, таких как «Бриллиантовая рука» или «Операция «Ы».

Распад тотального коллективного субъекта советской эпохи (*народ, партия*) отразился в морфологии местоимений. Так, местоимение 2 лица множественного числа «мы», выступавшее вербальным отражением объединения государства и граждан, раскололось на множество эксклюзивных и часто враждующих «мы-групп»: «мы — демократы», «мы — патриоты», «мы — реформаторы», «мы — простые люди». Параллельно в публичную коммуникацию, ранее подавлявшую индивидуальное начало, вышло местоимение первого лица единственного числа «я», что маркировало рост индивидуализма и публичности частного интереса в политике и медиа.

На синтаксическом уровне сложноподчиненные конструкции официального советского стиля уступили место коротким, часто эллиптическим высказываниям. Интонационный режим сменился с дидактически-уверенного на агрессивно-конфронтационный, исповедальный или эмоционально-насыщенный. Прямая конфронтация в прямом эфире, использование элементов ненормативной лексики или ее эвфемизмов, эмоциональные всплески перестали быть табуированными, превратившись в способы демонстрации «искренности» и «близости к народу». Этот сдвиг легитимировал открытый конфликт как базовый модус публичного взаимодействия, например: «Нормальный выбор — ЛДПР. Не потому, что мы какие-то особые. Простой человек рассуждают просто. Коммунисты уже были. Демократы — грабеж. Партия власти — бессилие. Все. Четвертый вариант. Это элементарно»⁹.

Произошла радикальная смена доминирующих речевых жанров. Канонический жанр партийного доклада или постановления, выполнявший функцию ритуального воспроизводства власти, утратил центральное значение. Его место заняли новые, конфликтные и зрелищные форматы: публичные теле-

⁹ Жириновский В.В. Цитаты. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Владимир_Вольфович_Жириновский#cite_note-S-1 (дата обращения: 05.01.2026).

дебаты, исповедальные интервью, ток-шоу с элементами скандала, криминальная хроника как значимый компонент новостной повестки. Эти жанры конституировали публичную сферу не как пространство выработки согласия, а как арену борьбы и перформативной самопрезентации.

В условиях коммерциализации медиасистемы и формирования олигархических медиахолдингов прагматика коммуникации стала доминировать над ее семантической или идеологической составляющей. Коммуникативная эффективность стала оцениваться не соответствием «генеральной линии» или объективной истине, а способностью генерировать рейтинг, сенсацию, захватывать внимание и дискредитировать оппонента. Это привело к заметному разрыву между речевым актом и социальным действием, когда слово становилось в первую очередь инструментом сиюминутного пиара или манипуляции, а не основой для социального договора или выработки общих решений.

Таким образом, русский язык 1990-х гг. отражает не просто отсутствие правил, а формирование новой системы правил, центрированной на конфликте, фрагментации и перформативности. Этот период может быть определен как этап «дискурсивного междуцарствия» — взрыва семиотической свободы, который, однако, сопровождался символическим вакуумом и аномией. Подобное состояние публичного языка подготовило социальный запрос на новую унификацию и символический порядок, что стало одной из предпосылок для процессов рецентрализации и реидеологизации коммуникации, наблюдавшейся в последующий период.

Эпоха управляемого полилога

Современный период развития политической медиариторики характеризуется не репликацией советской монологической модели, а формированием сложной гибридной системы. В этой системе цифровые коммуникативные среды, обладающие в терминологии М. Маклюэна свойствами низкой степени определения и высокой интерактивности, используются для актуализации и распространения обновленного комплекса идеологических установок. Ключевым фактором, определяющим специфику данного этапа, является дуальная структура медиaprостранства, сочетающая централизованное федеральное телевидение, ориентированное на массовую аудиторию, и сегментированную интернет-среду, применяемую для адресного воздействия и организации контролируемых форм обратной связи. Принципиальным новым компонентом эпохи становится технологическое продюсирование речи как комплексного медиапродукта. Данная модель опирается на стратегию избирательной сложности, предполагающую сознательное варьирование лингвистических характеристик дискурса в зависимости от адресата и коммуникативного канала.

На лексическом уровне наблюдается четкое распределение словарного запаса по целевым аудиториям и жанрам.

На доктринальном уровне (программные выступления, аналитические статьи) используется терминология геополитического, историософского и правового дискурсов. В активный словарь входят такие понятия, как *суверенная*

демократия, многополярный мир, цивилизационный суверенитет, традиционные ценности, историческая справедливость. Эта лексика служит целям концептуализации внешней и внутренней политики, ее интеллектуальной легитимации и интеграции в глобальные консервативные тренды.

На уровне массовой коммуникации (ток-шоу, новостные выпуски, «прямые линии») доминирует публицистическая и общественно-политическая лексика, часто с эмоционально-оценочной окраской. Широко используются понятия, формирующие бинарные оппозиции: государственники — национал-предатели, патриоты — коллективный Запад, суверенитет — внешнее управление. Активно эксплуатируется лексическое поле обороны и безопасности (*гибридная война, сдерживание, угроза*), что поддерживает режим перманентной мобилизации.

На уровне цифровой молодежной среды происходит гибридизация официального дискурса с языком интернет-коммуникации. В патриотический нарратив инкорпорируются элементы молодежного и игрового сленга (*Za наших, мобилизовать хайп, красная таблетка*), мемы и эмодзи. Эта адаптация служит цели глокализации глобального языка цифровой культуры и обеспечения узнаваемости официальных сообщений в молодежных сообществах.

На морфологическом и синтаксическом уровнях реализуется принцип избирательной сложности, например:

*«...Но что, в этой связи, предлагается? Предлагается, по сути, идти вперед, перешагивая через все и через всех, ни на кого и ни на что не оглядываясь, по сути, не брать в расчет риски, связанные с эпидемией, и просто как можно быстрее отменить все ограничения. А если кто-то может заболеть — мол, пусть болеет, останется инвалидом или даже умрет, значит, такова его судьба. Словом, предлагается закон естественного отбора, где каждый — за себя....»*¹⁰

Для доктринального уровня характерна синтаксическая усложненность. Используются периодические предложения, разветвленные системы причастных, высокая степень номинализации (*обеспечение безопасности, защита суверенитета, отстаивание интересов*). Преобладают формы настоящего времени глаголов внеперфективного вида, что создает эффект констатации вечных истин и непреходящих процессов. Такой синтаксис воспроизводит формальные признаки «вещающего», учительского дискурса, апеллирующего к непререкаемому авторитету.

На уровне массовой коммуникации синтаксис целенаправленно упрощается. Искусственно культивируется «народный», доступный синтаксис: преобладают простые и сложносочиненные предложения, короткие, афористичные формулировки (Крымнаш, Мы можем повторить). Активно эксплуатируются грамматические средства диалогизации: риторические вопросы, обращения, формы повелительного наклонения, имитирующие интерактивность.

Цифровой уровень характеризуется радикальной синтаксической редукцией, граничащей с деконструкцией нормы. Сообщения часто сводятся к заго-

¹⁰ Обращение Владимира Путина к россиянам. 28.04.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8357523> (дата обращения: 03.01.2026).

ловкам, слоганам или фрагментам, синтаксическая структура которых может быть намеренно нарушена (аграмматизм) для соответствия жанру мема или короткого ролика. Преобладают номинативные и неполные предложения. В словообразовании происходит гибридизация: создаются неологизмы на стыке официальной лексики и интернет-сленга (*За наших, мобилизовать хайп*), где традиционные морфологические модели русского языка сочетаются с новыми графическими и фонетическими элементами.

Сформировавшийся к 2010-м гг. политико-идеологический нарратив осуществил семиотическую ревизию дискурса 1990-х, отчасти отринув, отчасти трансформировав его центральные метафоры. На смену образу «государства — рынка» и «политики – войны всех против всех» пришел комплекс моделей, нацеленных на консолидацию и легитимацию суверенной, централизованной власти в условиях ощущения системного кризиса и внешнего противостояния.

Во-первых, доминирующей стала архетипическая метафора «РОССИЯ — ЭТО КРЕПОСТЬ / ЛАГЕРЬ В ОСАДЕ», наследующая советскому милитаризованному дискурсу, но обретшая новую интенсивность. Ее ключевая функция — формирование картины мира, основанной на идее перманентной и тотальной внешней угрозы. Это оправдывает логику «осадного положения», требующую внутренней мобилизации, консолидации вокруг верховной власти. Лексическими реализациями модели служат прямые военные термины (*фронт, тыл, мобилизация усилий, битва за историю, информационная война, угроза, гибридная война*) и производные от них политические концепты: *осажденная крепость, пятая колонна, санкционное давление, русофобия, цивилизационное противостояние*. Метафора работает на создание образа коллективного защитника-государства, ведущего оборонительную, а потому морально оправданную, борьбу против враждебного окружения.

Во-вторых, произошел возврат и актуализация концептуальной метафоры «ГОСУДАРСТВО — ЭТО ОРГАНИЗМ / ТЕЛО, А ВЛАСТЬ — ЭТО ВРАЧ». Эта модель, имеющая глубокие патерналистские истоки, служит для легитимации активного, всепроникающего вмешательства государства во все сферы жизни общества, которое представляется как терапевтическое или хирургическое воздействие, необходимое для здоровья целого. Лексический ряд здесь образуют биомедицинские термины, перенесенные на социально-политическую реальность: *здоровье нации, иммунитет общества (к внешнему влиянию), социальное тело, хирургическое удаление (коррупции, экстремизма, «гнойников»), очаг напряжённости, оздоровление (экономики, общества), цифровая гигиена, защита демографического потенциала*. Власть в рамках этой метафоры позиционирует себя как безальтернативный эксперт-целитель, диагностирующий болезни (часто вызванные внешними «инфекциями» или «отравлениями» 1990-х гг.) и назначающий обязательное лечение, предполагающее дисциплину и подчинение пациента.

В-третьих, в противовес советской линейной метафоре «пути к светлому будущему» (коммунизму) утвердилась модель «ИСТОРИЯ — ЭТО ВЕЧНОЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ / ЦИКЛ». Данная концепция работает на конструирование непрерывной национальной истории, где текущая политика предстает как восстановление естественного, прерванного извне, порядка и исправление исторических несправедливостей. Лексическими маркерами этой модели являются формулы *возвращение исторических земель, исправление исторической ошибки, воссоединение, преемственность поколений, традиционные ценности, духовные скрепы, тысячелетняя история, вековая традиция государственности*. Периоды катастроф (Смутное время, распад СССР, 1990-е гг.) трактуются не как закономерные этапы, а как болезненные, но временные разрывы цикла, вызванные внешними силами или внутренним предательством, после которых страна неизбежно возвращается к своей «истинной» сущности и геополитической роли.

В совокупности эти три метафорические модели образуют взаимодополняющую и самоподдерживающую семиотическую систему. Метафора «крепости в осаде» задает внешнеполитический контекст и обосновывает режим мобилизации. Метафора «государства-организма и власти-врача» определяет характер внутренних политик. Метафора «циклической истории» обеспечивает этой системе символическую глубину. Этот триптих работает на создание устойчивой картины мира, где централизованная власть выступает как единственный гарант выживания, целостности и исторической правды перед лицом постоянных внешних вызовов.

Интертекстуальная стратегия данного периода носит системный, канонизирующий и сегментированный характер, выполняя функции идеологической легитимации и адресного воздействия на различные аудитории. В рамках формирования нового патриотического канона происходит замещение прежней марксистско-ленинской парадигмы иерархически выстроенным комплексом прецедентных текстов, куда входят русская консервативная и религиозная философия (Н. Бердяев, И. Ильин, К. Леонтьев, И. Солоневич), используемая для философско-исторического обоснования концепта «особого пути»; ключевые исторические нарративы, акцентирующие тему Великой Отечественной войны и имперского собирания земель; а также классическая русская литература (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), привлекаемая для аутентификации непреходящих духовно-нравственных основ. В доктринальных текстах доминируют легитимирующие отсылки к философским и историческим дискурсам, например, риторическое использование концепта «русский мир», восходящего к идеям И. Ильина, или аналогий с дипломатией XIX в. В сфере массовой коммуникации интертекстуальность приобретает эмоционально-мифологический характер, активно эксплуатируя цитаты и образы из советских кинофильмов, военные песни и пословицы с целью апелляции к архетипам коллективной памяти и создания эффекта народности. В цифровой среде интертекстуальная стратегия трансформируется, обретая игровой и меметический характер, где политические нарративы переводятся в логику компьютерных игр, киберпанка и вирусного контента, а геополитические противостояния метафорически описываются через шахматные термины или геймплей стратегических симуляторов.

Речь официальных лиц перестала быть спонтанным устным высказыванием и превратилась в продукт комплексного медиапроизводства. Этот процесс включает стадии:

1) модульного структурирования контента, когда выступление проектируется как «ядро» (связный доктринальный текст) с набором автономных «спутников» — ярких, легко извлекаемых цитат и слоганов, предназначенных для вирусного распространения;

2) мультимодальной синхронизации, когда вербальный текст готовится в неразрывной связи с производством сопутствующего визуального ряда (ключевые кадры для соцсетей, инфографика, субтитрованные ролики);

3) платформенной оптимизации, где исходный материал адаптируется под форматы и алгоритмы конкретных цифровых площадок (длинные видео для RuTube, VK-video, твиты для X, короткие вертикальные ролики для TikTok).

Запуск контента осуществляется по скоординированному сценарию, предполагающему синхронную публикацию на федеральном ТВ, в официальных соцсетях и сети блогеров, что создает эффект информационного доминирования.

Таким образом, русский язык на современном этапе характеризуется целенаправленным и технологичным управлением грамматическим строем речи в зависимости от коммуникативной задачи. Для доктринального уровня характерна намеренная синтаксическая усложненность, консервирующая и развивающая традиции «высокого» книжного синтаксиса советской эпохи, но с обновленной лексикой. Используются периодические предложения, разветвленные системы придаточных, высокая степень номинализации (обеспечение безопасности, защита суверенитета). Это создает эффект непрерывности, опоры на «вечные» грамматические структуры власти.

В морфологии продолжается игра с местоимениями, но теперь в рамках управляемой схемы: инклюзивное «мы» снова доминирует, но его референция гибко меняется от «мы как государство-цивилизация» до «мы как народ, противостоящий коллективному Западу».

Заключение

Проведенное диахроническое исследование демонстрирует, что эволюция политической медиариторики в России XX–XXI вв. являлась не только сменой идеологических парадигм, но и активным фактором структурной трансформации русского языка, последовательно закрепившим на каждом историческом этапе специфические грамматико-синтаксические модели — от номинализованного синтаксиса советского монолога и синтаксической редукции 1990-х до технологически варьированного принципа «избирательной сложности» в современном управляемом полилоге. Российская модель характеризуется циклической реставрацией и цифровой адаптацией архаичных риторических структур, что позволяет рассматривать политический дискурс как инструмент нормотворчества и семиотической гегемонии, перспективы дальнейшего изучения которого связаны с микроуровневым лингвистическим анализом и компаративными исследованиями в иноязычных контекстах.

Список литературы

- Ахренова Н.А., Тер-Минасова С.Г.* Эволюция политической медиариторики в Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 4. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-4-000-000> EDN: MXKGIU
- Балашова Л.В.* Жанр обращения Президента России к ее гражданам в период первой волны пандемии КОВИД-19 в зеркале концептуальной метафоры // Жанры речи. 2022. Т. 17. № 2 (34). С. 115–132. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-115-132> EDN: JXTSZB
- Заплеттини Ф., Понтон Д.М., Ларина Т.В.* Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610> EDN: NYDDJB
- Колесникова Н.Л.* Коммуникативные стратегии в дискурсивной практике Терезы Мэй (на примере кампании по выходу Великобритании из ЕС) // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 69–82. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.106> EDN: BJJFMT
- Коньков В.И.* Лингвистические исследования политического медиадискурса // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 138–161. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.201> EDN: YTPHYL
- Логинова П.Г.* Политическая медиариторика: новый подход к анализу языка политической медиакommunikации (на примере Франции) : монография. М. : Директ-Медиа, 2025. 236 с. <https://doi.org/10.23681/720665> EDN: EUBCJC
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Успенский Б.А.* Избранные труды. Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. 364 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука, 2006. EDN: SDQKXT
- Ascott T.* This is Not Propaganda: Adventures in the War Against Reality // International Affairs. 2020. Vol. 97. No. 1. Pp. 235–237. <https://doi.org/10.1093/ia/iaaa208>
- Fairclough N.* Language and Power. London : Routledge, 1989.
- Gorham M.S.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. 266 p. EDN: QRKMSB
- Gorham M.S.* After newspeak: language culture and politics in Russia from Gorbachev to Putin // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. No. 3. Pp. 1–2.
- Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London, New York : Verso, 2001 [1985].
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1980; Afterword: 2003.
- Laruelle M.* Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields. Routledge, 2019.
- McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York : New American Library, 1964.
- Wodak R.* The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Palgrave Macmillan, 2009.
- Wodak R.* Language, Discourse, Politics // Discourse & Society. 2011. Vol. 22. No. 5. Pp. 625–632.

Сведения об авторе:

Ахренова Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, руководитель отделения постдипломного образования института иностранных языков, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Российская федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: медиалингвистика, интернет-лингвистика, дискурс-анализ. ORCID: 0000-0002-1265-5595. SPIN-код: 9818-1046. Scopus ID: 58666248600.

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243

EDN: QFDТАН

Research article

Evolution of political media rhetoric in Russia: a comprehensive linguistic analysis

Natalia A. Akhrenova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ akhrenova-na@rudn.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to comprehend the transformation of Russia’s public political language against the backdrop of radical socio-political shifts in the 20th–21st centuries and the digitalization of the media environment. The aim of the study is to identify and linguistically describe the systemic shifts in the political media rhetoric of the USSR and Russia and to determine the specifics of their impact on the structure of the Russian language. The methodological basis integrates critical discourse analysis and linguistic methods. The empirical material includes a sample of texts of political media communication from 1920s to the 2020s (press, leaders’ speeches, TV and digital content). Lexical-semantic, syntactic, metaphorical, intertextual and diachronic corpus analysis (Russian National Corpus) were applied. Diachronic analysis has distinguished three evolutionary phases with systemic impact on the Russian language. The era of the monologue was characterized by a ritualized, clichéd idiolect with complex syntax, nominalization, and semantic inversion of basic concepts. The era of communicative chaos radically transformed the language structure: semantic instability of terms, legitimization of criminal jargon, syntactic reduction, and fragmentation of the collective subject (“we”). The modern era of managed polylogue has established a strategy of “selective complexity”, i.e. the technological variation of linguistic codes from bookish syntax to digital agrammatism and the hybridization of official discourse with Internet slang. The author proves that the evolution of political media rhetoric in Russia is a process of permanent structuring of the grammatical, syntactic and lexical foundations of public speech in the Russian Language. Its specificity lies in the technological modernization of archaic ritual models of communication, where the Russian language acts simultaneously as the object and the key instrument of this transformation.

Keywords: discourse evolution, managed polylogue, critical discourse analysis, media ecology, conceptual metaphor

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: received 19.10.2025; accepted 22.12.2025.

For citation: Akhrenova, N. A. (2026). Evolution of political media rhetoric in Russia: A comprehensive linguistic analysis. *Russian Language Studies*, 24(2), 226–243. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-226-243> EDN: QFDТАН